

Раздел III
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ Й. Шмайса
«ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ»

Part III. THE CHAPTERS FROM THE BOOK

УДК 1 + 81.0

ГЛАВА I. ОТ ОНТОЛОГИИ К ПОЛИТИКЕ

Й. Шмайс (Брно, Чешская Республика)

CHAPTER 1. «FROM ONTOLOGY TO POLITICS»

J. Šhmajs (Brno, Czech Republic)

Необходимость тесного соединения онтологии и политики Аристотелю, вероятно, показалась бы сомнительной. Онтология, как наука о бытии сущего, занимаясь поисками адекватного способа общего теоретического понимания мира, никогда не имела ничего общего с теорией управления общинами и государством. Успешность политики была чисто эмпирическим фактом (то есть выростала из опыта), который никак не зависел от философского представления о действительности как о целом – философской онтологии. Но усугубляющийся в настоящее время экологический кризис обесценивает опыт, здравый смысл и практические знания как традиционные источники политической мудрости. *Глобальная экологическая политика*, которая только возникает и которая могла бы находящуюся в опасности культуру (человеческую цивилизацию) провести через горнило кризиса, *будет вынуждена обратиться к онтологии и наукам о человеке и человеческой цивилизации*. То есть эта политика не будет успешна без адекватного онтологического концепта культуры и природы. Поэтому экологически ответственная философия находится на полпути к возникающей экологической политике: в форме эволюционной онтологии раздвигает рамки традиционной философской мудрости, давая теоретический «диагноз» культуре, находящейся перед лицом надвигающейся экологической катастрофы [1].

Люди, по мнению Аристотеля, начали философствовать, потому что чему-то удивлялись. Однако большую мудрость, по Аристотелю, дает та наука (то есть та философия), которую мы выбираем ради нее самой и ради знаний, а вовсе не ради выгод, которые возможно получить благода-

Йозеф Шмайс – профессор, доктор философии кафедры экономики и предпринимательства факультета экономики и управления Университета им. Масарика. 602 00, Brno, Lipova, 41a.
E-mail: smajs@mail.muni.cz

ря ей. Эта благородная цель философствования, смыслом которого было «духовное культивирование» человека и определение его места в бытии, начиная с Нового времени стала дополняться и «размываться» инструментальными и прагматическими целями и мотивами; впрочем, философия и по сей день занимается решением главных экзистенциальных вопросов. Именно философия призвана теоретически обосновать возможные стратегии по развитию общества, постоянно имея в виду человека, проблему его существования, свободы и самореализации, то есть, другими словами, проблему его интеллектуального «культивирования». В XX в. этой цели было подчинено одно из самых влиятельных направлений онтологии – экзистенциальная феноменологическая онтология, создателями которой были такие мыслители, как Эдмунд Гуссерль, Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр.

Именно в эпоху Нового времени антропоцентризм, считающий человека отправной точкой философствования и «конечной целью» природопользования, косвенно способствовал стихийному культурному (цивилизационному) подъему. Данная фаза культурного развития, во время которой региональные культуры, как оккупационные армии, овладели планетой, в конце концов завершилась формированием глобальной цивилизации. Похоже, закончились «лучшие времена» человеческой истории, связанные с расцветом «практических» культур, зависящих, главным образом, от биосферы, когда вопрос о том, останется на Земле человек как вид или исчезнет, решение принимала одна лишь природа.

С началом спонтанной глобализации культуры (человеческой цивилизации) завершился и долгий исторический этап духовного развития. Заканчивается эпоха, на протяжении которой доверие к будущему человека было естественным и не нуждалось в философской онтологии; когда необходимость создания адекватного теоретического представления о мире еще не была условием культурного самосохранения, а только узкопрофессиональной, академической проблемой. Благородные созерцательные мотивы и способы философствования – удивление, смирение и идеал жизненной мудрости – сегодня, к сожалению, должны уступить место ясному и трезвому осознанию неумолимой правды – об ухудшении условий жизни на Земле.

Философия, если она ответственна, уже не может игнорировать угрозу неминуемой гибели уникальной экосистемы Земли. Философы должны открыто заявить, что только мы, люди, ответственны за то, что мы когда-то, в погоне за выгодой, выбрали именно тот путь развития цивилизации, по которому мы движемся навстречу катастрофе – хотя осознание этого факта сегодня превышает средние способности рационального понимания обычного человека. Хотя мы это отвергаем и не желаем этого признавать, мы несем ответственность за стихийную эволюцию противоприродной культуры. *В роли основного мотива философствования, которым в античности было удивление, в Средневековье – смирение, а в Новое время – сомнение, впервые выступает чувство страха и вины.*

Итак, столкнувшись с угрозой экологической катастрофы, в конце концов и философия должна будет признавать, что корни проблемы – в особенностях человеческой природы, сложившихся еще в древности, и что ее

самая важная – и притом замалчиваемая – предпосылка была ошибочной. Согласно данной предпосылке, в отличие от чувств, разум человека адекватно воспринимает действительность (соответствует ей) и человек может использовать разум, не создавая угрозы для своей собственной жизни. Но эта предпосылка была ошибочной. Человеческий разум (в том числе индивидуальный) является, во-первых, обусловленным природой и, во-вторых – ограниченным (подобно человеческим чувствам). Он не отвечает требованию комплексной функциональной интерпретации природы; на языке понятий действительность трактуется не в полном объеме и к тому же ошибочно – как по значению, так и по форме. Человеческий разум настроен – если можно так сказать – главным образом на манипуляции с макроскопическими предметами, удовлетворяя тем самым потребности человеческой жизнедеятельности в локальной культуре.

При онтологической реконструкции действительности также необходимо признать, что человек является обычным живым созданием, временно существующим видом биосферы, и что его понимание действительности будет всегда ограничено биологическим аппаратом, интересами и познавательными возможностями его собственного вида. Естественная эволюция жизни, которой мы должны быть благодарны за все важные культурные предпосылки, не создавала нашу психику ни для объективной теоретической рефлексии мира, ни для нашего выживания. Принято считать, что каждый биологический вид (каждый филогенетический ряд), если он хочет сохраниться в системе биосферы, должен вести себя эгоистично. А разум человека, представляющий собой развитую культурой программу созданного природой нейронного аппарата, не может не считаться с этим общим принципом функционирования земной жизни.

Поэтому нас не удивляет, что предэкологическая философия исходит из онтологии более-менее антропоцентрической, в которой человек, по образному выражению Хайдеггера, уже все-таки не «хозяин бытия», но еще продолжает оставаться единственной крупной фигурой действительности, «пастырем бытия». Нас не удивляет, что внимание, уделяемое человеку, никогда не сопровождалось соответствующим интересом к другим живым существам, стремлением к пониманию системы земной жизни как целого. Это было бы не только излишним, но и противоречащим естественной биологической сущности человека. Однако сегодня мы понимаем, что биологическая сущность нашего вида, закрепленная в человеческом геноме, может быть залогом расцвета существующей культуры, но мешает более глубокому теоретическому познанию гостеприимной среды Земли. Другими словами, никогда в прошлом люди не смотрели с этой точки зрения ни на природу, ни на функции противоприродной культуры в биосфере. Данное эволюционное наследие в фазе глобальной культуры нас не только не оберегает, а наоборот, ведет к гибели. Поэтому экологический кризис вынуждает нас искать другие гарантии долговременного существования культуры, другие духовные парадигмы, другую онтологию, рациональность, этику и политику.

Философия не имеет никакого опыта решения проблемы глобального конфликта культуры и природы. Слишком долго приоритет отдавался антропоцентрическим и узкосоциальным мотивам философствования, и по-

этому нельзя ожидать, что философия быстро овладеет способностью рефлексии над полностью неизвестным типом глобального конфликта. Однако это не означает, что тематика экологического кризиса уже сейчас не является самой важной философской и политической проблемой. Если философия будет ее игнорировать или банально «забалтывать», то есть риск, что теоретически и общественно она провалится и станет практическим социокультурным знанием, оказывающим минимальное воздействие на действительность.

Несмотря на то, что свою экологическую «точку поворота» [2] должна пройти вся культура, то есть культура духовная и материальная, именно для философии изменение точки зрения (парадигмы) будет особенно трудным и драматичным. Философия всегда основывалась на том, что она критически осмысливает мир, человека и человеческую рациональность вообще, что она является не только адекватной теорией бытия, но и мета-теорией всех его практических интерпретаций. Но теперь мы обнаруживаем, что для спасения всего многообразия мировой культуры от угрозы (за которую ответственна и философия в том числе) необходимо избрать другое отношение к бытию, создать новый образ действительности, *сформировать философию выживания* – то есть *развивать эволюционную онтологию*.

Для обоснования этого смелого и – неприятного для многих – утверждения имеются два довода. *Во-первых*, поскольку сегодня в мировой культуре господствуют большие наднациональные экономические, финансовые и информационные подсистемы, а высокоинтегрированная глобальная техносфера уже самим фактом существования (и своим холостым ходом) душит жизнь на целой планете, постольку малоэффективно и почти бессмысленно призывать к изменению человеческого индивидуального поведения. Мы уже не живем в свободной природе, и свою сложно функционирующую техническую цивилизацию, унаследованную от предшествующих поколений, мы не можем «отложить в сторону» таким же образом, как откладываем одежду или инструмент. Но мы не сможем ее изменить даже в том случае, если будем ее игнорировать или, в пику ей, принимать систему ценностей других, нетехнических культур. В соответствии с новой онтологией и научным знанием мы должны изменить устройство нашей цивилизации, трансформировать ее как целое, с биофильной точки зрения. Антропоцентрические ценности являются в современной культуре институционально и технологически опредмеченными, поскольку в большинстве технических и социальных систем они встроены уже при их возникновении. Поэтому из сегодняшней «морфологии» культуры происходит ее «физиология», ее поведение и функционирование в биосфере – то есть ее управление и ее требования по отношению к природе.

Во-вторых, в ситуации необратимого разрушения естественной упорядоченности Земли (включая биологическое разнообразие жизни) уже ни этика, ни политика не смогут научиться на собственных ошибках, не смогут черпать из опыта, который, по словам Аристотеля, знает «как», но не знает «почему». Только адекватное, то есть опирающееся на научные представления философское осознание того, что сегодня происходит в плане-

тарном масштабе (а значит, и того, что может случиться, если мы ничего не сделаем для позитивного изменения в культуре), может стать отправной точкой компетентной экологической трансформации культуры.

Есть и еще один вопрос: что сегодня происходит с миром и что в настоящее время угрожает ему (к сожалению, даже философией важность этого вопроса не осознается в полной мере). Во времена, когда высшей философской инстанцией должна быть теория бытия, то есть онтология, значительная часть систематиков философии занимается главным образом *интерпретацией текстов и частными гносеологическими проблемами*.

Эволюционное онтологическое мышление, которое возникает вопреки преобладающей гносеологической ориентации философии (и которое мы считаем необходимым использовать для анализа кризиса), отказывается от антропоцентрического взгляда, согласно которому обосновывается познавательная оппозиция человека как субъекта по отношению к природе (трактуемый как объект) и из которой следует аналогичная оппозиция – онтическая и ценностная. Мы не разделяем точку зрения, согласно которой человек находится вне природы и что в качестве хозяина Земли он является мерой всех ценностей и единственным существом, от которого все зависит. *Эволюционная онтология, наоборот, помещает человека в природу, исходит из признания ее творческой субъектности и ценности самой по себе, из ее системного преимущества над культурой*. Она признает онтическое преимущество естественного над искусственным и смиренно принимает принцип адаптивного развития культуры в рамках биосферы. Именно такой подход способен помочь уяснить, как культура создавалась внутри более крупной – и древней – гостеприимной системы (биосферы), почему сегодня она не уживается с природой и почему призыв к перемене ценностей, которые игнорируют онтологию, остается только на уровне призывов и патетики. И хотя история человеческого познания свидетельствует, что те моральные и ценностные основания, структуру которых мы не понимаем, мы игнорируем, все же призыв к новым ценностям мы считаем не просто робкой попыткой напомнить о необходимости изменения человека и культурной системы, но и стремлением избежать мучительного поиска правды и, соответственно, процедуры позитивного системного изменения.

Каждое усилие по изменению ценностей в принципе правильно, потому что если мы хотим изменить культуру, то есть систему с внутренней информацией, мы должны изменить ее информацию, то есть культуру духовную, составной частью которой являются ценности. Но благодаря тому, что духовные ценности включают лишь часть свободной конститутивной информации и совместно с иными формами духовной культуры произведены и востребованы культурой, стремление к принятию новых экологических ценностей снова возвращает нас к информации и ценностям, которые культурная система ранее включила в свой контекст (уже опредметила). Если говорить коротко, мы должны изменить систему противоприродной культуры как целое, и ни в коем случае не полагаться на одни только новые ценности.

Принятие ответственности за непоправимый ущерб биосфере и быстро приближающееся истощение невозобновляемых энергоресурсов, исчер-

пание запасов которых, согласно оценкам специалистов, произойдет через несколько десятков лет, значительная часть общественности (включая традиционных политиков), конечно, не желает допускать даже сейчас. Почти никто из успешных политиков, банкиров и воротил бизнеса не хочет слышать о неизбежной гибели, которую приближает стихийная экспансия мировой технической цивилизации в экосистему Земли.

Понимание природы кризиса, однако, затрудняет также то, что большинство из нас не уничтожает природу, а соответственно, свое собственное будущее по злой воле, из-за безответственности, халатности или недостатка морали. Парадоксально, но природа сегодня уничтожается вопреки желанию большинства людей. В первую очередь ее уничтожают напрямую не граждане, а система мировой культуры, в которую они входят и которая влияет на них. Именно системное глобальное уничтожение природы ясно демонстрирует, что вина лежит не только на рядовых гражданах. Она лежит, прежде всего, на культуре (цивилизации), а за ее структуру, ориентацию и функционирование в биосфере отвечает политика. Люди наносят ущерб природе не столько из-за биологической неосведомленности о системном единстве жизни или по причине философского непонимания природы кризиса, сколько по вине современной системы противоприродной культуры, которая навязывает людям, предприятиям и другим учреждениям неэкологичное поведение.

Эволюционная онтология утверждает, что уже первые региональные культуры были инородными подсистемами биосферы с собственной конститутивной информацией, с собственным воспроизводством, эволюцией и судьбой (в известной мере сходной с судьбой всех биологических видов). Эволюционная онтология показывает, что активная технологическая и экономическая интеграция частных культур в единой глобальной технической цивилизации долго существовать не может. Культура, будучи искусственной структурой, не может неограниченно расти; как и биосфера культуры, изменяясь, должна функционировать в динамическом равновесии с условиями земной среды. Длительно существовать она может только в том случае, если включающей ее системе – биосфере – будут обеспечены необходимые условия для нередуцированного воспроизводства и эволюции. Поэтому эволюционная онтология пытается философски постичь то, что до настоящего времени воспринималось философией как периферийная проблема, то есть проблема отчуждения и освоения работы человека – *онтическую структуру культуры*. Поскольку мы – временно существующие продукты и элементы биосферы, именно мы являемся монопольными творцами системы культуры. Возникновение культурной эволюции на Земле привело к величайшим качественным изменениям в целом. *Возникло раздвоение первоначально единого естественного бытия – на природу и культуру*. Поэтому в настоящее время мы наблюдаем следующую картину: столкновение двух глобальных оппозиционных систем – более древней (и более могущественной) естественной онтической системы (природы) и производной, временной, противоприродной онтической системы (культуры).

И именно благодаря признанию двух видов способности творить (двух онтических порядков) эволюционная онтология выходит за узкие рамки

традиционного спекулятивного понимания мира. Онтология, будучи экологически ответственной, обязана отказаться от исходного, интеллектуально слишком узкого смысла философствования. Поэтому экологически обусловленная онтология – если мы воспользуемся термином онтологического исследования Збинека Фишера (о котором писал Эгон Бонди) – не принесет «утешения онтологией».

Если будут разрушены незаменимые природные факторы, от которых напрямую зависит существование культуры, то онтология уже не сможет ответить на вопросы, как адекватно объяснить мир, как удовлетворить человеческую философскую любознательность или как теоретически обосновать индивидуальное человеческое познание мира. В такой ситуации высокий уровень философской абстракции должен быть использован для диагностики и терапии: для формулирования причин кризиса; для поиска концепта мира, в котором будет возможно экзистенциальное *переживание находящейся в опасности культуры*. От онтологии мы вправе ожидать строгой теоретической оценки и обоснования образовательных, политических и законодательных шагов, которые необходимо сделать, чтобы культура, в которой мы живем, снова нашла эволюционную перспективу. Мы также можем утверждать, что для спасения многообразной мировой культуры нам жизненно необходима новая онтология, потому что традиционная онтология не способна предложить адекватной философской рефлексии экологического кризиса. Многие традиционные онтологии, как мы видим на примере экзистенциальной онтологии, подчинялись антропологической онтологии и основывались на иллюзии превосходства человека над природой.

Современный процесс гносеологизации философии признает теоретический плюрализм как объясняющий принцип внутри философии, защищая правомерность и легитимность многих разнообразных интерпретаций действительности, что соответствует многочисленности субъектов познания, а также биологически и культурно ограниченному горизонту познания человека. Философская онтология уже не может считаться объективным описанием мира. Уже ни в одной философской системе, возникшей после Гегеля, нельзя искать единственно возможную основу истины.

Основы истины, правильность и гармонию мы должны сегодня снова искать в самой действительности. Поэтому фаза больших антропоцентрических онтологий закончилась. Даже разнообразие и плюрализм частных способов интерпретации действительности не может опровергнуть системное единство природы или культуры, не может поставить под сомнение потребность строить образ мира на правильных основаниях. Вот почему необходимо уважать не только мир, но и соответствующую миру онтологию.

На деле это означает признать объективный факт биологической включенности человека в природу – именно объективный факт существования онтической оппозиции культуры и природы. Роль онтологии на этом не заканчивается, напротив – конфликт культуры с природой обновляет и актуализирует онтологическую проблематику. Возрастает значение роли онтологии нового типа – онтологии естественнонаучно и культурологически обусловленной, новой онтологии – неантропоцентрической. Одна-

ко такая онтология должна эксплицитно формулировать гносеологические предпосылки своей действительности, должна их признать и объяснить, к какому концепту бытия стремиться, что ее в современном мире интересует и что ее не удовлетворяет.

Но даже этого, самого важного гносеологического предупреждения для предотвращения сегодняшнего кризиса недостаточно. Мы имеем в виду онтологическое предупреждение, основанное на самом адекватном концепте бытия. Вопреки растущему скепсису и дифференциации (дроблению) философских проблем, мы все-таки живем на одной маленькой планете – на Земле – и остаемся на ней не столько благодаря культуре, сколько благодаря разнообразию и эволюции жизни; поэтому мы должны понять, что мы связаны и на биологическом уровне с монументальной системой жизни [3]. И хотя мы, по сути, спонтанно (то есть без философского понимания отношений культуры и природы) создали современную планетарную культуру, это отнюдь не означает, что ее существующие на сегодня спонтанные механизмы саморегуляции (особенно рынок и деньги) сохранятся в дестабилизированной биосфере, что ее спонтанная эволюция будет продолжаться в начатом направлении.

Из-за тотальной оккупации планеты культурой мы внезапно и без предупреждения окажемся на перекрестке, где нам надо будет выбрать дорогу, которая не приведет к гибели. Но для этого необходимо знать, почему не удаются хорошо продуманные человеческие виды деятельности в более широком масштабе и на более длинном временном отрезке, почему они опасны, почему становятся составной частью рискованного процесса противоположной эволюции культуры. Мы должны как можно быстрее понять, при каких условиях культура бы могла сотрудничать с биосферой и как мы можем предупредить уничтожение природных основ культуры. По нашему мнению, предпочтение, отдаваемое гносеологизации и частной проблематике, свойственное современной философии, свидетельствует не только о ее претензии на исключительность, но и об экологической беспомощности и безответственности.

Мы подходим к сущности проблемы. Каким требованиям должна была бы соответствовать новая онтология, должна ли она стать возможной теоретической основой экологической политики и наук о культуре? Мы полагаем, что она должна удовлетворять требованиям всесторонней рефлексии онтического конфликта культуры с природой, то есть отвечать новым требованиям защиты культуры, находящейся под угрозой экологической катастрофы. Именно поэтому она должна базироваться не только на философской традиции, но также и на результатах естественных наук. С одной стороны, новая онтология должна критически отнестись к науке, потому что и наука в том числе несет часть теоретической ответственности за сегодняшний кризис. С другой стороны, следует поощрить стремление к новому синтезу знаний, чтобы адекватно применить достижения современной науки. Только благодаря новым синтезирующим наукам, а отнюдь не благодаря одной только философии мы знаем о существовании и функции защитного озонового слоя Земли, а также о пугающей скорости, с которой исчезают естественные структуры и накапливаются вредные парниковые газы [4]. Благодаря данным научным дисциплинам мы

знаем об опасном потеплении земной поверхности; да и вообще, не стоит забывать, что именно благодаря им мы впервые увидели свою голубую планету из космоса.

Мы не должны упустить из виду еще один момент. Увеличивается количество специальных научных дисциплин, занимающихся исследованием возможных сценариев судьбы Земли и приходящих к выводам, имеющим глубокий философский смысл. Их результаты, если мы попробуем их понять в целом, не являются осколками заблуждений частных ответов; более того, они могут многое подсказать философии, у которой в эпоху глобальной культуры нет другого источника достоверного познания действительности. Философия несет свою часть вины за сегодняшний экологический кризис, и без ее глубокой самокритики и стремления помочь общественности и политике мы не справимся с этим кризисом.

Факты, накопленные современными системными научными дисциплинами, позволяют сделать важный вывод: несмотря на удивительное внешнее разнообразие, космос, включая биосферу, человека и естественную информацию живых организмов, устроен единообразно, то есть в нем существует *один универсальный порядок*. Кроме того, известный нам, то есть доступный познанию космос высокодинамичен, он расширяется и охлаждается; он как будто бы двигается – громадным гераклитовским течением материи и энергии – по направлению к тепловой смерти, но при этом у него есть удивительная противоположная способность – к спонтанной самоорганизации, то есть способность к эволюции. Самая уникальная эволюционная способность космоса – порождать жизнь – может реализовываться только при невероятно узкой амплитуде химических условий: по видимому, только на планете Земля и при содействии сложных гомеостатических механизмов саморегуляции земной жизни как целого. Именно это исключительное спонтанное взаимодействие бесчисленного множества процессов и сил, которые до сегодняшнего дня сохраняет и развивает наша биосфера, включающая и человека, мешает сегодня экспансии техносферы, ограничивает рост экономически и технологически сильно интегрированной системы мировой технической цивилизации.

Созданная эволюцией земная жизнь является необратимым способом разрушения, поскольку посредством человека продвигается еще один неприродный способ онтически творческой деятельности: *оппозиционный эволюционный процесс культуры*. Этот искусственный творческий процесс, который активно уничтожает эволюционно возникшую упорядоченность Земли, уже превышает не только ограниченные регенерационные возможности биосферы, но также истощает уникальную биотическую структуру планеты и своими отходами вредит ей. Поэтому глобальную техническую культуру даже при первом рассмотрении мы можем понимать не как итог человеческого поведения, но только как человеческое стремление к адаптации и культивации природы. *Культура*, несмотря на то, что ее эволюционно-онтологический статус до сих пор не объяснен исчерпывающим и устраивающим всех образом, так же как и биосфера, является *сложной организационно-предметной структурой с внутренней информацией*. Несмотря на то, что культура экзистенциально зависит от биосферы, под влиянием соответствующей человеческой деятельности и энергети-

ческой подпитки, получаемой за счет современной и древней биомассы, она ведет себя как агрессивная *противоприродная система, способная расти, а значит, и разрушать высокоорганизованную гостеприимную среду – жизнь планеты Земля.*

Планетарная культура высоко дифференцирована, территориально диверсифицирована, но также удивительно едина. Так как она возникла не на базе естественной генетической информации, *но на базе информации социокультурной* (закодированной с помощью языка в познаниях, ценностях и теории духовной культуры), она является небиологической структурой, трудно сочетаемой с природой. *Мы не можем ее считать ни составной частью, ни продолжением естественной эволюции.* И хотя она как бы происходит из одной линии эволюции биосферы (из линии развития человека) и появляется внутри естественного порядка, все же она создает *порядок, оппозиционный по отношению к природе.* Она развивается во много раз быстрее, чем биосфера, подавляя живые системы и повреждая их, нарушает динамическое равновесие естественных экосистем.

Мы уже писали, что новый философский образ мира можно представить с точки зрения эволюционной онтологии, которая, делая акцент на проблеме эволюции, информации и порядка, позволяет понять то, что сегодня происходит с миром. Новая онтология не только восстанавливает в правах («реабilitирует») земную природу, обесцененную субъектно-объектным мышлением Нового времени и низведенную до «объективной действительности», но одновременно пытается конституировать *онтологический статус второй по экологическому значению планетарной системы – человеческой противоприродной культуры.* Таким образом, философия как бы выполняет – с помощью эволюционно-онтологической рефлексии над конфликтом культуры с природой – часть своего долга по отношению к специальным наукам, политике и общественности. Поэтому она стремится формулировать свои выводы ясно и недвусмысленно. *При таком важном кризисе общественность должна знать, что происходит, кто и почему находится под угрозой. Она должна знать, что система, находящаяся под угрозой, – это не только природа. Она должна знать, что находящаяся под угрозой система – это человек, культура, и человеческая цивилизация.*

Эволюционная онтология как новый тип философской мудрости, конечно, должна сама признать свой практический и служебный статус: ей следует обозначить экологическую точку поворота, указать на причину несочетаемости природы и культуры и всячески способствовать экологическому образованию, воспитанию, этике и политике. *Поэтому программно она берет за точку отсчета не человека как носителя философии Нового времени, а бытие, естественную эволюцию космоса, которая создала и Землю, и человека и которая включает (временно) современную планетарную культуру.* Онтология стремится истолковать естественную эволюцию и как способ коммуникации, и как способ опасной оппозиционной реконструкции со стороны культуры. Онтология хочет помочь изменить традиционную парадигму, игнорирующую экологию. *Парадигма человеческого превосходства над природой является антропологической иллюзией.*

Необходимо ее заменить парадигмой включенности человека в природу. Культуру, по отношению к природе хищническую, мы можем попытаться трансформировать в культуру, по отношению к природе уважительную.

Новую экологическую парадигму эволюционная онтология пытается разработать так, чтобы она была понятной и доступной не только для специалистов, но и для учащихся, студентов, рядовых граждан и их политических представителей. Так как сущность эволюционной онтологии очевидна благодаря способу ее применения к анализу причин и способов интерпретации экологического кризиса, имеет смысл обратить внимание на пять их общих черт (на данный момент самый подробный концепт эволюционной онтологии содержится в работе [5]).

1. Эволюционная онтология строит космологию в соответствии с процессуальным онтологическим подходом, то есть *считает процесс более онтически фундаментальным, чем структуру*. Поэтому различаются два основных способа, с помощью которых созданы все эксплицитные формы земной действительности: изначальный и более древний – *процесс эволюции естественной* и относительно недавний – *процесс эволюции культурной*. Наряду со спонтанно созданными абиотическим и биотическим слоями земной упорядоченности следует выделять структурно и функционально отличающийся онтический слой культуры. В отличие от традиционной онтологии, которая считала бытие только природным бытием и которая делала акцент на его постоянстве, пассивности и возвратности (повторяемости), эволюционная онтология в понимании природного бытия выделяет процессуальность, активность и невозвратность (неповторимость). Такое понимание, конечно, не является привычным для традиционной онтологии, которая считала мир природно-предметным, воспроизводимым и самоорганизованным.

2. *Эволюционная онтология пытается определить человека сущностно, системно, без избыточной ценностной окраски*. Несмотря на то, что она открывает его культурную онтическую креативность, эволюционная онтология стремится быть не антропоцентричной. Предполагается, что действует эволюционная гипотеза, в соответствии с которой человек происходит от человекообразных обезьян эпохи миоцена и то, что мы называем человеческой ментальностью, сформировалось когда-то давно, еще до возникновения культуры. Человек как неприродный, онтически творческий вид, как единственный творец культуры относится к природе, эволюционно к ней приспособлен и не является по отношению к ней чужаком. Точно так же, как и любой другой вид, он появляется на определенной стадии эволюционного процесса биосферы и по истечении определенного срока – независимо от того, удалось ли ему создать культуру – исчезает с эволюционной сцены.

3. *Эволюционная онтология выстраивает новый онтологический статус природы*. Она онтологически и аксиологически реабилитирует уникальную земную природу, обесцененную субъектно-объектным подходом Нового времени до простой объективной реальности, до неупорядоченной и ценностно нейтральной массы. Она представляет ее (природу) как самоорганизующуюся систему с естественной внутренней информацией, как эволюционный процесс, который создает любую естественную упо-

рядоченность и с помощью которого спонтанно возникли все необходимые природные предпосылки культуры: высоко диверсифицированная биосфера и в совершенстве приспособленный к ней биологический предок современного человека.

4. *Эволюционная онтология пытается создать онтологический статус культуры.* Она объединяет духовную и материальную культуру в одну функциональную систему с собственной внутренней информацией – *духовной культурой*. Вопреки традиции, которая считала культуру не относительно самостоятельной пространственно-временной действительностью (бытием), а только дополнением и улучшением (гуманизацией) природы, онтология открывает особый онтический характер культуры – ее структурную и функциональную несовместимость с природой. Благодаря активному использованию целенаправленной конститутивной информации и дополнительной энергетической подпитке культура стала противоприродной подсистемой биосферы – подсистемой, которая якобы локально улучшает природу, но фактически (и это ярко проявилось сегодня) необратимо вредит ей и подавляет ее быстрой экспансией оппозиционной культурной упорядоченности.

5. Выявление принципиальной зависимости культуры от природы ведет эволюционную онтологию к принятию адекватной философской ответственности за судьбу человека. В стремлении предотвратить экологическую катастрофу онтология стремится не только к тому, чтобы правильно интерпретировать структуру мира – она стремится к новому общедоступному онтологическому минимуму, который помог бы инициировать изменение культурной стратегии и поддержал новую аксиологию, этику и политику. Она отказывается от антропоцентрического обоснования ценностей. Ценность, значение и смысл природе придает не человек, но естественный творческий процесс жизни, который создал человека в качестве функционального элемента, имея ценность, значение и смысл сам по себе. Жизнь и естественные структуры должны быть показаны сегодня учащимся, студентам и общественности так, чтобы стало понятно: они обладают ценностью, значением и смыслом – для культуры в том числе.

В заключение добавим, что, находясь на экологической точке поворота, философская онтология утрачивает свое традиционное академическое значение, но зато приобретает новое, практическое – культурно-самоохраняющее. И этот факт меняет роль философии в системе культуры. *Из теоретической философии получается философия практическая, из традиционной спекулятивной онтологии бытия – теоретический анализ культуры, находящейся под угрозой экологической катастрофы, и этот анализ может стать основой возникающей экологической политики.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Šmajš, J. Evolutionary ontology. Reclaiming the value of nature by transformin culture. Amsterdam, New York : Rodopi, 2008.
2. Capra, F. Bod obratu. Praha : Mat'a, Dharmagaia, 2002.
3. Margulisova, L. Symbiotická planeta. Praha : Academia, 2004.
4. Lovelock, J. Gaia vrascn úder. Praha : Academia, 2008.
5. Šmajš, J. Filosofie – obrat k'Zemi. Praha : Academia, 2008.